Научная статья
УДК 343.9+343.988
DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-2-210-218

Преступление, его жертва и мораль

Владимир Петрович Шиенок[1], **Вадим Иванович Резюк**[2]

[1] *Минск, Республика Беларусь*
vladimir517@tut.by
[2] *РНИМУ им. Н. И. Пирогова, Москва, Россия*
rezyuk.vi@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6188-7141

Аннотация. В статье рассматривается диалектика преступления, его жертвы и морали. В своем анализе авторы исходят из того, что криминология, уголовное право, иные юридические науки должны обратиться к изучению своего главного объекта — человека как системы, состоящей из духовной и материальной сторон, — что является необходимым условием обеспечения гармонии между нормативными регуляторами поведения людей и их внутренними установками, а также нормами общественной морали. Наиболее эффективными средствами нормативного регулирования являются те, которые коррелируют с моральными установками человека, общества. Отмечены риски деятельности, направленной на изменение моральных ценностей общества в угоду временной конъюнктуры, обоснована необходимость учитывать многогранность моральной и правовой оценки преступления, его жертвы и преступника.

Ключевые слова: виктимность, жертва преступления, преступник, криминология, виктимология, право, мораль, человек, методология

Для цитирования: Шиенок В. П., Резюк В. И. Преступление, его жертва и мораль // Виктимология. 2024. Т. 11, № 2. С. 210–218. DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-2-210-218

Research article

Crime, its Victim and Morality

Vladimir P. Shienok[1], **Vadim I. Rezyuk**[2]

[1] *Minsk, Republic of Belarus*
vladimir517@tut.by
[2] *Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia*
rezyuk.vi@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6188-7141

Abstract. The article examines the crime, its victim and morality. In their analysis, the authors proceed from the fact that criminology, criminal law, and other legal sciences must turn to the study of their main object — man as a system consisting of spiritual and material sides — which

© В. П. Шиенок, В. И. Резюк

is a necessary condition for ensuring harmony between normative regulators of human behavior and their internal attitudes, as well as the norms of public morality. The most effective means of regulatory regulation are those that correlate with the moral attitudes of a person and society. The risks of activities aimed at changing the moral values of society in favor of the temporary situation are noted, and the need to take into account the versatility of the moral and legal assessment of the crime, its victim and the criminal is justified.

Keywords: victimization, victim of a crime, criminal, criminology, victimology, law, morality, human, methodology

For citation: Shienok VP, Rezyuk VI. Crime, its victim and morality *Viktimologiya* [Victimology]. 2024;11(2):210-218. (In Russ.) DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-2-210-218

Введение

Человек, общество, общественные отношения, мораль, общественная оценка (одобрение и осуждение) являются категориями, органически взаимосвязанными по многим основаниям. Криминальные события — не исключение. Совершение преступления всегда затрагивает интересы и оказывает воздействие на многих людей. Особое место среди них занимают потерпевшие, иными словами — жертвы преступления, защита законных интересов которых является одной из основных задач уголовно-правового регулирования (в этом отражается реституционная сущность закона в принципе).

Актуализирующими факторами рассмотрения преступления и его жертвы под углом зрения морали являются следующие. Во-первых, любое преступление как внешнепредметное деяние характеризует, проявляет внутренний мир лица, его совершившего, его отношение к ценностям общества, к нормам морали. Во-вторых, необходимость обеспечения моральной защиты и восстановления внутреннего состояния жертв преступлений [9, с. 100–113]. В-третьих, существующей неоднозначность в правовой и криминологической оценках поведения жертвы в связи с совершенным преступлением (например, виктимблейминг (обвинение жертвы) [10, с. 463–471]). В-четвертых, необходимость решения отдельных, в том числе системообразующих, проблем уголовно-правового регулирования. В частности, вопросов достаточности и чрезмерности уголовно-правовых мер, их актуальности и обоснованности, криминализации и декриминализации [2, с. 15–18, 97–99, 102–109; 15, с. 19–21].

Учитывая вышесказанное, а также иные факторы, диалектический анализ преступления, его жертвы и морали осуществлен с позиций гуманистической методологии, основанной на приоритетном значении человека, его внутреннего мира при исследовании практически всех проблем криминологии [18] и иных юридических и смежных дисциплин.

Описание исследования

Мораль (лат. moralitas, mores — «общепринятые традиции»), как известно, отражает представления общества, социальных групп и человека о добре и зле, о желательном и нежелательном, о хорошем и плохом. Мораль всегда была и продолжает являться действенным регулятором поведения людей и общественных отношений. Она характеризуется устойчивостью и эффективностью, формально, уступая приоритет закону по юридической силе норм, но в действительности, превосходя его по устойчивости и универсальности своего воздействия на человека.

Следует констатировать, что мораль более древний, фактически основной регулятор поведения человека и, соответственно, различных отношений, возникающих в социуме. По мнению одного из авторов, вопрос о соотношении, о диалектике права и морали в современных условиях приобрел особую актуальность для всего мирового сообщества, особенно в последние годы, с учетом фактического демонтажа действующей системы международного права и глубокого комплексного кризиса мирового порядка [16, с. 89; 17, с. 85–86]. По мнению другого автора, крайне важны не только ретроспективный взгляд или анализ

перспективы и их оценка, но и особенно констатация текущего состояния проблемы глазами современника [12, с. 420–421].

Преступления, как наиболее опасные для общества деяния, совершаются самыми различными по своим внешним и внутренним характеристикам лицами [2, с. 9–10, 15–18, 97–99; 14, с. 27–32, 111–117]. Известно, что совершение человеком предусмотренного уголовным законом деяния обусловливает формальную негативную оценку его поведения, выраженную в соответственном судебном решении, и в связи с этим его обязанность претерпеть определенные лишения, неблагоприятные последствия. Однако нередки случаи, когда формально юридическая и моральная оценка содеянного со стороны общества либо его части не совпадают. Характерным примером являются преступления с видимой «виктимной составляющей», т. е. выраженной ролью потерпевшего в создании условий, способствующих его совершению. Тенденцию несовпадения в оценках роли преступника и жертвы в противоправном деянии следует рассматривать в качестве тревожного сигнала, свидетельствующего о наличии противоречий между государственной уголовной политикой и мнением той или иной части общества. В основе такого противоречия часто лежит несовпадение доминирующих в обществе моральных и действующих юридических норм, а также практики их реализации. Именно поэтому крайне важно, чтобы мораль (высокая, разделяемая большинством населения страны, региона, мира) лежала в основе соответствующего законодательства. В противном случае, когда закон противоречит принятым в обществе нормам морали, он недолговечен и будет опираться только на силу принуждения, которая, как известно, рано или поздно ослабевает, заканчивается.

С формально-юридической стороны, моральная оценка поведения лиц, совершивших деяния с признаками преступления, видится сложным, зачастую противоречивым процессом. В законодательстве выделяются категории преступлений (от проступка — преступления, не представляющего большой общественной опасности или небольшой тяжести, до особо тяжкого преступления), наличествуют нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния и не влекущих уголовную ответственность, смягчающие или отягчающие ответственность, выделяются привилегированные (смягчающие ответственность), квалифицированные и особо квалифицированные (отягчающие ответственность) составы преступлений. Однако такая градация отсутствует при моральной оценке этих деяний. Более того, моральная оценка противоправного деяния может кардинально отличаться от правовой.

В вопросе диалектики систем морали и права, их места и роли в регулировании поведения человека следует констатировать фактическое превалирование первой из них над второй. Так, согласно проведенному одним из авторов исследованию вопроса критериев принятия решений людьми о возможных вариантах своего поведения, нормы морали превалируют над нормами права в этом процессе. Такое положение неудивительно по многим причинам. Наиболее сущностной, глубинной из них является то обстоятельство, что исторически моральные нормы имплементировались в общественное сознание посредством религиозных писаний, а впоследствии (или одновременно с религиозными писаниями) создавались соответствующие законы государства (писаное право). В основе традиций и обычаев (обычное право), которые также являются классическим источником права, как правило, как правило, лежат нормы морали определенной общности людей [16, с. 91; 18, с. 120].

Например, традиционное иудейское право Галаха (הֲלָכָה). Соответствующая совокупность законов опирается на основную священную книгу иудаизма Тору (תּוֹרָה). В Пятикнижии — Книге Бытия (о сотворении мира и первых нарушениях высоких правил), Книге Исход (о даровании заповедей), Книге Левит (о храмовой службе), Книге Чисел (о странствиях и поиске Земли обетованной), Второзаконии (о наставлении последующим поколениям)[1] — особым

[1] הבישיקיו // הרות ישמוח השמח. URL: https://www.yeshiva.org.il/wiki/index.php/הרות_ישמוח_השמח (дата обращения: 10.02.2024).

образом выделены нравственные ориентиры и мораль, которым обязаны следовать иудеи. Мидраш (מדרש) Галаха отражает связь канонических положений и законодательства, соответствующие дискуссии и интерпретации[1], важные в условиях функционирования современного светского общества и государства.

Примером создания законодательства на основе морально-этических религиозных норм является древнеиндийский памятник права — «Законы Ману» (Манавадхармашастра). Фактически этот источник является наставлениями Ману (первого царя, прародителя правителей) о дхарме. В литературе отмечается, что слово «дхарма» («ведущий принцип», жизненное начало, кармический долг) не аналогично слову «право»: оно означает совокупность также моральных и этических норм, определяющих добродетельность человека и правила жизни[2]. На самом деле семантика этого термина значительно глубже и многоаспектнее. Согласно ведической традиции, религии индуизма, йоге, дхарма включает в себя морально-этические основы жизни человека, следование которым является его долгом перед высшими силами и государством (правителем). Требования дхармы — главный регулятор поведения людей в древней Индии, их значение по-прежнему остается весьма актуальным и в настоящее время[3].

Другой важный момент заключается в том, что при принятии решения о криминализации или декриминализации тех или иных деяний в обязательной мере следует учитывать нормы морали, превалирующие в индивидуальном и общественном сознании, исторически характерные для данного общества. Разумеется, законодательство и его применение может иметь целью корректировку морально-нравственных ориентиров людей. Однако, это длительный процесс, который в любом случае должен корреспондировать с доминирующими в обществе моральными ценностями, выражающими внутренние духовные и материальные нужды и потребности людей и социальных групп.

В качестве промежуточного вывода есть все основания констатировать, что в случае, когда доминирующая общественная и групповая мораль совпадают с уголовно-правовыми нормами, создаются благоприятные предпосылки для удовлетворения извечной мечты человека о справедливости в отношении оценки как криминального деяния, так и его участников (преступника, жертвы и иных). Однако это не означает, что такое соответствие будет сохраняться на более высоком (в количественном, территориальном, ином смыслах) уровне оценки и регулирования (например, с оценкой мировым сообществом, более образованной частью населения частью и т. д.).

Третий важный момент касается смыслового содержания понятия жертвы. Общеизвестно, что преступным (уголовно-наказуемым) признается деяние, предусмотренное уголовным законом. Соответственно, лицо, чьи права и законные интересы были нарушены в результате совершения преступления, согласно уголовному и уголовно-процессуальному законам, признается потерпевшим. В отличие от потерпевшего, термин «жертва» не является правовым. Он несет несколько иную смысловую нагрузку и в большей степени выражает морально-этическую оценку того или иного события в жизни, принесшего негативные последствия для конкретного человека или социальной группы (например, жертва стихийного бедствия, жертва жизненных обстоятельств, жертва эпидемии, жертва преступления и т. д.). Во всех случаях этот термин выражает отношение людей к положению человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, в том числе вызванной совершением преступления, их переживания по этому поводу. Хотя его использование в юридической науке в целом и в криминологии

[1] Галаха // Энциклопедия [Εγκυκλοπαίδεια]. URL: http://www.summa.rhga.ru/vseob/cat/detail.php?rraz=&ELEMENT_ID=5443 (дата обращения: 10.02.2024) ; זורושי תודלות. URL: https://toldot.com/he/programs/ (дата обращения: 10.02.2024).

[2] Законы Ману // Бхаратия.ру. URL: http://www.bharatiya.ru/india/zakonmanu.html (дата обращения: 10.02.2024) ; Законы Ману / перевод С. Д. Эльмановича. Москва : ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 6.

[3] Бхагавад-гита как она есть // Bhaktivedanta Vedabase. URL: https://vedabase.io/ru/library/bg/ (дата обращения: 10.02.2024).

в частности имеет более узкое содержание. Целесообразность, научная и практическая значимость выделения понятия «жертва» не вызывают сомнений. Аксиоматично, что жертв преступлений значительно больше, чем официально признанных потерпевших по уголовным делам. Основными причинами такого положения являются: латентная преступность, необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел и иные изъяны правоприменительной практики, наличие обстоятельств, исключающих привлечение лица к уголовной ответственности, изменения законодательства и иные. В этом плане заслуживают внимание промежуточные данные, проводимого одним из авторов настоящей статьи исследования, суть которого заключается в анонимном ответе случайных респондентов на вопрос: «Совершалось ли когда-либо в отношении Вас умышленное преступление, имеете ли Вы такой опыт?» Согласно, имеющимся данным, жертвами преступлений являлись свыше 97% опрошенных, 1% такого опыта не имел, 2% затруднились ответить. Еще более интересен тот факт, что при сопоставлении этих данных с аналогичным опросом (случайная выборка), касающимся наличия у людей опыта совершения умышленных преступлений (свыше 94% положительных ответов, около 6% отрицательных), очевиден вывод о том, что доля потенциальных преступников и жертв преступлений среди людей практически одинакова. Этот феномен нуждается в комплексном осмыслении, оценке, проведении дополнительных исследований, но уже сейчас очевиден факт наличия серьезных проблем в уголовно-правовой политике многих стран европейского континента [16, с. 91; 18, с. 120].

Представляет бесспорный научный интерес вопрос несовпадения, противоречия между правовой и моральной оценкой совершенного противоправного деяния. Например, в случае отказа в возбуждении уголовного дела либо после его прекращения, человек, пострадавший от произошедшего, не имеет процессуального статуса потерпевшего. Иными словами, он ощущает себя жертвой, понес определенные потери (вред), но в уголовно-правовом плане ему отказывают в защите его законных интересов. Аналогичное наблюдается в ситуации, когда человек становится жертвой деяния со стороны лица, не подлежащего привлечению к уголовной ответственности (освобождаемого от уголовной ответственности) по различным основаниям (например, в силу крайней необходимости [ст. 39 УК РФ]), или лица, признаки которого не соответствуют признакам соответствующего состава (например, совершения преступления лицом, признанным невменяемым, или не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность [ст. 20 УК РФ, ст. 27 УК РБ]), иных ситуациях с аналогичными последствиями (например, при переквалификации причинении телесного повреждения с ч. 1 ст. 149 УК РБ [умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения], предусматривающей ответственность по достижении 14-летнего возраста, на ст. 153 УК РБ [умышленное причинение легкого телесного повреждения], предусматривающую ответственность по достижении 16-летнего возраста)[1]. Вопросы, связанные с подобными проблемами, стали предметом ряда виктимологических исследований [7, с. 434–441].

В системе уголовно-правового регулирования возможны, как уже отмечалось ранее, и другие ситуации, когда моральная оценка преступления, преступника и жертвы не соответствует юридической квалификации события (в ряде случаев являясь полной противоположностью). При этом мораль и право могут и не находиться в остром конфликтном состоянии. Типичной в таких случаях является разница в соответствующих критериях оценки. Так, при квалификации компетентными органами происшедшего события как преступления, ему может быть дана противоположная

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.02.2024) ; Уголовный кодекс Республики Беларусь : от 09.07.1999 № 275-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 10.02.2024).

оценка со стороны морального сознания общества, иными словами, процессуально признанный потерпевшим человек в глазах общества не воспринимается как жертва. Примеры подобного могут наблюдаться в случаях превышении пределов необходимой обороны, превышении необходимых мер при задержании лица, совершившего преступления и др.[8, с. 15–19].

Исследуя взаимосвязи преступления, его жертвы и морали необходимо учитывать, что общественное сознание и средства нормативного правового регулирования динамичны, хотя и в разной степени. Указанная динамика может иметь естественный характер, связанный с историческим развитием страны, а также может изменяться (ускоряться либо тормозиться) в результате целенаправленного воздействия на нее государства. Одним из факторов, влияющих на это, является уголовно-правовая и иная стратегия и тактика государства, оперативное реагирование на различные тенденции и вызовы, в том числе внешние, иное возмущающее воздействие. В этом плане следует отметить актуализацию проблемы формирования и использования средств пропаганды в качестве мощного метода влияния на современный социум [4, с. 212–213], т. е. целенаправленной и активной деятельности соответствующих субъектов по внедрению в сознание людей заранее определенной системы идей, взглядов, оценок. С развитием информационных технологий роль и значение средств и методов пропаганды все более возрастает. Фактически речь идет о механизмах формирования или значительного изменения мировоззрения человека и общества, его морали. В результате чего могут происходить искажения в индивидуальном и общественном сознании по оси «добро — зло». Эти изменения не могут не влиять на восприятие людьми преступлений и их жертв. При этом подобные изменения общественного сознания могут наблюдаться и посредством повышения влияния средств корпоративного, внутриорганизационного, иного внутриструктурного регулирования [3, с. 425–432; 11, с. 213–218; 13, с. 29–33]. В условиях изменения общих для всех принципов, отношения к ним, их значимости [12, с. 420–423], результат может быть особенно специфичным (когда локальное восприятие преступления, его жертвы и морали и соответствующие оценки становятся отличными от общего мнения). Обозначенная тенденция повышения динамики общественного сознания и нормативного правового регулирования имеет значение и в плане повышения эффективности противодействия преступности, ставшего предметом внимания в криминологии, виктимологии, — виктимологической пропаганды [1, с. 138–142; 5; 6, с. 67–72].

Заключение

Таким образом, проблема преступления, его жертвы и морали своими корнями уходит во внутренний мир человека как системы, основными элементами которой являются душа и тело, духовное и материальное. Человек для криминологии, уголовного права, иных юридических наук, науки в целом выступает в качестве главного междисциплинарного объекта, обеспечивающего интеграцию различных отраслей научных знаний.

Принципиальным моментом механизма правового регулирования является обеспечение максимальной гармонии между правовым и нормативными регуляторами поведения человека и его внутренними установками, нормами морали, моральными ценностями общества. Самыми эффективными средствами нормативного регулирования являются те из них, которые коррелируют с моральными установками человека и общества.

Важно задуматься о долговременных рисках деятельности, направленной на изменение моральных ценностей в угоду текущей политической конъюнктуры, последствиях реконструкции системы морали, затрагивающей оценку криминальных событий. В силу подобных рисков следует иметь в виду, что устойчивость, стабильность общественной морали (моральных ценностей) уже само по себе создает благоприятные предпосылки для профилактики различных форм девиантного поведения.

Требует проведения комплексного исследования среди различных слоев населения вопрос о наличии жизненного опыта индивидов в роли преступника и жертвы

преступления. Полученные данные могут служить основой для разработки долговременной стратегии предупреждения преступности, гармонизации различных видов законодательства и иных направлений в области государственной социальной политики.

При исследовании преступления, его жертвы и морали необходимо учитывать, что одним из качеств индивидуального и общественного сознания, а также средств нормативного правового регулирования является динамичность. Говоря иными словами, то, что еще совсем недавно заслуживало негативной моральной оценки, сейчас может восприниматься в обществе с позитивной стороны и наоборот.

Список источников

1. Гаджиева А. А. Значение виктимологической пропаганды в борьбе с преступностью // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. Вып. 2. С. 138–142.

2. Гилинский Я. И. Криминология и девиантология постмодерна. Санкт-Петербург : Алетейя, 2024. 242 с.

3. Гончарова С. Г. Дефекты в корпоративном законодательстве как фактор виктимизации учредителей корпорации // Виктимология. 2023. Т. 10, № 4. С. 424–433. DOI: https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10-4-424-433

4. Карепова С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. С. 212–229.

5. Ковалев С. М. Виктимологическая пропаганда как мера предупреждения правонарушений // E-Scio. 2023. № 2 (77). С. 594–600.

6. Ковалев С. М., Бабин С. В. Виктимность людей в опасных ситуациях как фактор учитываемый полицией при обеспечении общественного порядка и общественной безопасности // Актуальные вопросы юридической науки. Право. 2019. № 3. С. 67–72.

7. Корнеев С. А. Легитимность игнорирования мнения потерпевшего при прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа // Виктимология. 2023. Т. 10, № 4. С. 434–441. DOI: https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10-4-434-441

8. Лойко Я. И., Резюк В. И. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика : сб. материалов V Респ. науч.-практ. конф. аспирантов, магистрантов и студентов (Брест, 23 окт. 2015 г.) : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина ; редкол.: В. В. Лосев (отв. ред.) [и др.]. Брест : БрГУ, 2016. Ч. 1. С. 15–20.

9. Майоров А. В. О необходимости изучения поведения жертв противоправных деяний // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2008. № 8. Вып. 15. С. 110–114.

10. Резюк В. И. Виктимблейминг во взяточничестве // Виктимология. 2023. Т. 12, № 4. С. 463–473. DOI: https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10-4-463-473

11. Резюк В. И. Виктимность юридических лиц в контексте хищений бюджетных средств с использованием служебного положения и служебных полномочий в Российской Федерации и Республике Беларусь // Виктимология. 2022. Т. 9, № 2. С. 213–219. DOI: https://doi.org/10.47475/2411-0590-2022-19210

12. Резюк В. И. Концептуальные особенности реализации основных принципов противодействия коррупции на текущем этапе современной эпохи (начало 3-го десятилетия XXI в.) // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : материалы VI Международной научно-практической конференции (Тамбов, 19–21 мая 2022 года). Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2022. С. 420–424.

13. Резюк В. И. Стратегические подходы к нормативному закреплению и регулированию в корпоративном секторе антикоррупционных этических стандартов и правил поведения // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : материалы VI Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 25 сентября 2020 г.) : в 2-х т. / редкол.: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. Т. 2. С. 29–34.

14. Резюк В.И., Шиенок В.П. Противодействие коррупции. Изд. 2-е, перераб. и доп. Саратов : Амирит, 2023. 276 с.

15. Шиенок В.П. Коррупция: методология проблемы, причины, ранняя диагностика // Предварительное расследование. 2017. № 1. С. 19–24.

16. Шиенок В.П. Мораль как универсальный фактор нейтрализации противоречий юридического позитивизма и основа создания нового механизма правового регулирования // Труд. Профсоюзы. Общество. 2020. № 3. С. 89–94.

17. Шиенок В.П. О проблемах разработки новой методологии белорусской юриспруденции и основных причинах ее существования // Труд. Профсоюзы. Общество. 2020. № 2. С. 85–89.

18. Шиенок В.П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография. 2-е изд. испр. и доп. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. 238 с.

References

1. Gadzhieva AA. The importance of victimization propaganda in the fight against crime. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Dagestan State University]. 2014;(2):138-142. (In Russ.)

2. Gilinsky YaI. *Criminology in the deviantology of postmodernity*. St. Petersburg: Aleteia, 2024. 242 p. (In Russ.)

3. Goncharova SG. Defects in corporate legislation as a factor of victimization of the founders of the corporation. *Viktimologiya* [Victimology]. 2023;10(4):424-433. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10-4-424-433

4. Karepova SG, Nekrasov SV, Pinchuk AN. Propaganda as a method of influence on public consciousness: general theoretical aspect. *Vestnik NGUEU* [Bulletin of NSUEU]. 2020;(4):212-229. (In Russ.)

5. Kovalev SM. Victimological propaganda as a measure to prevent offenses. *E-Scio*. 2023;(2):594-600. (In Russ.)

6. Kovalev SM, Babin SB. Victimization of people in dangerous situations as a factor taken into account by the police in ensuring public order and public safety. *Aktualnye voprosy yuridicheskoj nauki. Pravo* [Actual issues of legal science. Law]. 2019;(3):67-72. (In Russ.)

7. Korneev SA. Legitimacy of ignoring the opinion of the victim in the termination of a criminal case with the imposition of a judicial fine. *Viktimologiya* [Victimology]. 2023;10(4):434-441. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10-4-434-441

8. Loiko YaI, Rezyuk VI. Causing harm during the detention of a person who committed a crime. *Ugolovnaya yusticiya: zakonodatel'stvo, teoriya i praktika* [Criminal Justice: legislation, theory and practice] : proceedings of the V Resp. scientific conference of graduate students, undergraduates and students, Brest, October 23. 2015: in 2 parts. Brest, 2016;(Part. 1):15-20. (In Russ.)

9. Mayorov AV. On the need to study the behavior of victims of unlawful acts *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. Vyp. 15* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Law. Iss. 15]. 2008;(8):110-114. (In Russ.)

10. Rezyuk VI. Victimization in bribery. *Viktimologiya* [Victimology]. 2023;12(4):463-473. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10-4-463-473

11. Rezyuk VI. Victimization of legal entities in the context of embezzlement of budgetary funds with the use of official position and official powers in the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022;9(2):213-219. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47475/2411-0590-2022-19210

12. Rezyuk VI. Conceptual features of the implementation of the basic principles of anti-corruption at the current stage of the modern era (the beginning of the 3rd decade of the XXI century). *Tambovskie pravovye chteniya imeni F. N. Plevako* [Tambov legal readings named after F. N. Plevako] : Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Tambov, May 19-21, 2022. Tambov, 2022:420-424. (In Russ.)

13. Rezyuk VI. Strategic approaches to the normative consolidation and regulation of anti-corruption ethical standards and rules of conduct in the corporate sector. *Aktualnye voprosy razvitiya gosudarstvennosti i publichnogo prava* [Actual issues of the development of statehood and public law]: proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, September 25, 2020) : in 2 vol. Rybin DV. (ed. by), Trofimov EV. (ed.). St. Petersburg, 2020;2:29-34. (In Russ.)

14. Rezyuk VI, Shienok VP. *Anti-Corruption*. Ed. 2nd, rev. and suppl. Saratov: Amirit, 2023. 276 p. (In Russ.)

15. Shienok VP. Corruption: methodology of the problem, causes, early diagnosis. *Predvaritelnoe rassledovanie* [Preliminary investigation]. 2017;(1):19-24. (In Russ.)

16. Shienok VP. Morality as a universal factor in neutralizing the contradictions of legal positivism and the basis for the creation of a new mechanism of legal regulation. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo* [Labor. Labor unions. Society]. 2020;(3):89-94. (In Russ.)

17. Shienok VP. About the problems of developing a new methodology of Belarusian jurisprudence and the main reasons for its existence. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo* [Labor. Labor unions. Society]. 2020;(2):85-89. (In Russ.)

18. Shienok VP. *Sketches of humanistic methodology of national jurisprudence* : [monograph]. 2nd ed. revised and suppl. Minsk, 2017. 238 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шиенок Владимир Петрович
Доктор юридических наук, профессор.
Республика Беларусь, Минск.
vladimir517@tut.by

Резюк Вадим Иванович
Исследователь в области юридических наук, доцент кафедры гуманитарных наук международного факультета, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И.Пирогова.
Россия, 117513, Москва, ул. Островитянова, дом 1, стр. 6.
rezyuk.vi@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6188-7141

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shienok V. Petrovich
Doctor of Law Sciences, Professor.
Minsk, Republic of Belarus.
vladimir517@tut.by

Rezyuk V. Ivanovich
Researcher in the field of legal sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, International faculty, Pirogov Russian National Research Medical University.
1 Ostrovityanova str., bldg. 6, Moscow 117513, Russia.
rezyuk.vi@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6188-7141

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

Дата поступления статьи / Received: 02.04.2024.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.05.2024.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 25.06.2024.